

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 56 (1413)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья академика, научного руководителя Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск) П. Минакира «Низко висящие фрукты», опубликованная в журнале «Эксперт», № 20, 15–21 мая 2017 года.

Вологда
май 2017

Низко висящие фрукты

В очередной раз мы рискуем принять чужой рационализм за чудесный подарок, шанс на беспхлопотное решение собственных проблем. Реальных действий России по парированию угроз, связанных с экономической экспансией Китая, не просматривается.

14–15 мая в Пекине пройдет Саммит Шелкового пути – первый масштабный международный форум, посвященный различным аспектам реализации главной внешнеполитической и внешнеэкономической инициативы Китая последних лет, проекту Нового Шелкового пути (актуальное название – «Один пояс – один путь», ОП–ОП). В саммите примут участие представители 110 государств, 38 из них, включая Россию, делегируют на саммит первых лиц государства. Предполагается, что президент РФ Владимир Путин будет в числе главных действующих лиц на ключевых мероприятиях форума.

*Активизировавшееся в «санкционный» период сотрудничество России с КНР прошло период стартовой эйфории и требует внимательного анализа, чтобы на новом витке своего развития в рамках стратегии Китая «ОП–ОП» мы смогли выступить как равноправные партнеры, отстаивая российские национальные интересы. Единого мнения насчет того, как этого добиться, нет. Недавно на страницах «Эксперта» своим видением перспективных направлений сотрудничества РФ с Китаем поделился глава Фонда развития Дальнего Востока Алексей Чекунов (см. «Мифы и надежды Пояса и Пути», № 15). Сегодня мы даем слово видному ученому, научному руководителю Института экономических исследований ДВО РАН академику **Павлу Минакиру**.*

После того как в 2013 году президент КНР Си Цзиньпин изложил концепцию нового амбициозного глобального проекта «Новый Шелковый путь», впоследствии получившего международную известность как проект «Один пояс – один путь», политические деятели и эксперты в разных странах стали наперебой интерпретировать его, находя всё новые замечательные возможности, которые даст его реализация. Они уви-

дели в этом не то свидетельство претензий Китая на глобальное лидерство (глава Фонда развития Дальнего Востока Алексей Чекунов), не то благородное стремление реализовать этаким новым план Маршалла – обеспечить «совместное со-развитие стран, вовлеченных в этот проект, совместное со-развитие и в плане транспортных коридоров, и в плане инвестиционной, гуманитарной, межбанковской и туристической кооперации» (директор Института Дальнего Востока РАН Сергей Лузянин).

Китайские эксперты вдохновенно поддерживают, а скорее сознательно формируют подобный дискурс. Например, член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета КНР Чжоу Минвэй совсем недавно убеждал российскую аудиторию: «Китайская сторона в рамках инициативы «Один пояс – один путь» хочет не только установить экономические контакты, но и выйти на новый уровень межгосударственного общения со странами-участниками. Мы надеемся через экономическое сотрудничество <...> способствовать взаимопониманию между народами соответствующих стран, взаимному доверию, взаимной идентичности, с тем чтобы были удовлетворены надежды и потребности народов».

Понятно очарование китайскими успехами на фоне длительных разочарований российскими декларациями и намерениями. В конце 1980-х и в 1990-х годах таково же было очарование американскими и европейскими экономическими успехами, рецепты которых, в основном недопонятые и недодуманные, воспринимались как абсолютная истина, гарантирующая неременный успех и в России, бескорыстный дар, передача которого преследует только одну цель – осчастливить российский народ. Похоже, мы в очередной раз рис-

куем принять чужой рационализм за чудесный подарок.

Конечно, не наши и не чьи-то еще задачи решает Китай, активно и даже агрессивно продвигая идею сухопутного и морского Шелкового пути. Он пытается решить собственные задачи на новом этапе экономического развития, когда настоятельно необходим переход преимущественно к интенсивной динамике в прибрежных и южных регионах, что должно опираться на надежные транспортные коридоры, роль которых должен сыграть морской Шелковый путь, так как основными рынками остаются США и Европа.

Но важной задачей становится и задействование возможностей экстенсивной эксплуатации пространства в форме реализации потенциала западных и северо-восточных провинций. Последнее также требует надежного транспортного коридора, роль которого как раз и выполняет сухопутный «пояс-путь».

Схватка за Центральную Азию

Естественно, не менее внимательно, чем по отношению к среднеазиатским и центральноазиатским экономикам, в рамках этого проекта Китай относится к возможному конфликту интересов с Россией. Конфликтность ситуации очевидна, это признают и сами китайцы. Во-первых, Россия, испытывая изрядные сложности во влиянии на политические и экономические процессы в субъектах бывшего СССР, весьма болезненно относится к любому иному влиянию. Во-вторых, успех сухопутной программы «Пояс и Путь» в силу существенно большего экономического, в частности интеграционного, потенциала Китая может если и не заблокировать, то значительно осложнить перспективы Евразийского экономического союза. В-третьих, девальвируются усилия и ожидания в отношении евразийского транзита через территорию России по Транссибу и БАМу.

Конечно, сегодня у России нет реальных возможностей не только противодействовать Китаю, но даже просто конкурировать с ним в

деле обеспечения трансевразийского транзита. Практически невозможно соревноваться с Китаем и в области сохранения исключительного политико-экономического контроля над центральноазиатским субрегионом. Китай последовательно и успешно усиливает здесь свои позиции все последнее десятилетие.

К 2013 году китайский импорт сырья из стран Центральной Азии превысил 22 млрд долларов. Китайские компании контролируют примерно 25% всей нефти, добываемой в Казахстане (около 20 млн тонн), вложив более 23 млрд долларов в скупку казахстанских нефтяных активов у западных фирм. В Туркмении, предоставив 12 млрд долларов кредитов на создание мощностей по производству и экспорту газа, Китай получил эксклюзивное право на его добычу на сухопутной территории республики. И это сотрудничество будет расширяться, о чем свидетельствуют и усилия по созданию в Центральной Азии трубопроводной инфраструктуры (ввод в строй нефтепровода из Казахстана мощностью 20 млн тонн в год и магистрального газопровода из Туркмении мощностью 55 млрд кубометров).

Интересы Китая распространяются и на металлы (уран, медь, железо, золото), поставки которых в 2014 году превысили 2,7 млрд долларов. Особую роль здесь играют отношения с Казахстаном, который поставляет 98% металлического сырья, а доля Казахстана в китайском импорте урана составляет 75%, что придает отношениям с этой страной Китая, который планирует увеличить число реакторов на своих атомных станциях с 31 в 2015 году до 110 к 2030-му, характер долговременной технологической стратегии.

Весьма последовательно Китай теснит Россию в роли главного торгового партнера для государств Центральной Азии, доведя свой товарооборот с ними в 2013 году более чем до 50 млрд долларов (у России – менее 18 млрд долларов). При этом Китай поставляет в регион товары с высокой добавленной стоимостью (продукцию машиностроения, легкой и элект-

тронной промышленности), увеличивая технологическую зависимость региона от этих поставок.

Модель сырьевого сателлита

Последние три года экономическое сотрудничество России с Китаем активно развивается. Межправительственная Российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству утвердила перечень из 58 совместных инвестиционных проектов с оцениваемым общим объемом частных инвестиций свыше 20 млрд долларов. Как правило, это проекты в области добывающей промышленности. В 2015–2017 годах был одобрен ряд проектов, в частности приобретение Фондом Шелкового пути еще 10% акций российской компании «Сибур» (10% «Сибура» год назад куплены за 1,3 млрд долларов китайской Sinopet, которая имеет право до 2020 года выкупить еще 10% акций); в 2016 году Фонд Шелкового пути за 1 млрд долларов купил 9,9% акций «Ямал СПГ»; ожидается покупка китайской Fosun Group 20–25% акций крупнейшего золотодобытчика России ПАО «Полус» (инвестиции до 2 млрд долларов); нефтегазовая компания Petrochina в 2017 году намерена инвестировать около 3 млрд долларов в строительство «восточного маршрута» «Силы Сибири» и второго китайско-российского нефтепровода, который является расширением отвода от нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан; обсуждается строительство Амурского НПЗ (общий объем инвестиций – около 2 млрд долларов, из которых 90% профинансирует китайская компания «Мэн лань син хэ»; China Paper Corporation готова инвестировать более 1 млрд долларов в строительство Амурского целлюлозно-бумажного комбината; китайская China National Electric Engineering Corporation (CNEEC) ведет проектирование и строительство «под ключ» обогатительной фабрики на Кимкано-Суторском месторождении в Еврейской автономной области; идет строительство битумного завода в Хабаровске мощностью 1 млн тонн в год и т. д.

При этом в процессе инвестирования наши китайские партнеры осуществляют жесткую прагматичную финансово-кредитную и инфраструктурную экспансию по модели Центральной Азии: обязательное обеспечение существенной доли в собственности (по возможности в размере контрольного пакета), обязательное финансирование при условии строительного подряда с гарантией последующего экспорта услуг по эксплуатации объектов; обеспечение прав на полный (или не менее 50%) вывоз сырья для дальнейшей переработки в Китае; комплектование российско-китайских предприятий за счет привлечения китайской рабочей силы; использование китайской техники и оборудования. При этом российская сторона не накладывает каких-либо серьезных обременений на инвестиции в стратегические, в общем-то, сектора, не настаивая ни на локализации генерируемого спроса, ни на трансфере технологий, ни на создании связанных производств на нашей территории.

Ситуация очень напоминает компенсационные соглашения 1960–1980-х годов с японскими компаниями (лес, уголь, газ в обмен на кредиты под добычу сырья). Конечно, российская сторона получает выигрыш в виде производства экспортных продуктов, но основным бенефициаром такого сотрудничества, особенно от мультипликативного влияния на совокупный спрос и рынок труда, является Китай.

Лозунгами сыт не будешь

Неумеренные восторги чиновников и экспертов по поводу столь же политкорректных, сколь и банальных комментариев и лозунгов относительно волшебного превращения проекта «Пояса и Пути» в панацею от экономических бед, не могут заменить собой скрупулезную и тяжелую работу по продвижению реальной интеграции и защите национальных интересов. В качестве примера рассмотрим статью главы Фонда развития Дальнего Востока Алексея Чекункова в № 15 «Эксперта». Мы находим в ней семь изумительно простых

и обезоруживающе банальных лозунгов, и вот уже готов рецепт счастья.

Что же это за «великолепная семерка»?

Первое. Создание проектного офиса на манер Госплана, который (внимание!) опишет состояние российской экономики и найдет для китайских инвесторов максимально доходные объекты вложения средств. Действительно просто. Сами-то мы понятия не имеем, что это за экономика такая у нас получилась, вот китайский проект наконец-то поможет понять. Ну а мы китайцам за это лакомые кусочки. Не жалко.

Второе. Предложение инвесторам «прозрачных правил игры», чтобы они поняли, что Россию не «доить» нужно, а инвестировать в нее. Возразить-то нечего. Правила нужны. Только почему без «Пояса и Пути» можно без них, а с «Поясом и Путем» никак невозможно? Да и для отечественных инвесторов, может, тоже пора бы «прозрачные правила» не только ввести, но и гарантировать их неизблемость хотя бы лет на двенадцать?

Третье. Обеспечить России расширенный доступ к финансовым рынкам Азии.

– Хорошо бы. Правильный лозунг. Вот только как это стыкуется с вожделением к иностранным инвестициям? Если есть много иностранных инвестиций в реальные проекты, то для чего расширять доступ к финансовым инвестициям? Или, может, речь идет об иностранных инвесторах, чтобы им не просто лакомые куски подбрасывать, а еще и проблему финансирования их же инвестиций за них решить?

Можно было бы продолжать, но долго это и утомительно однообразно: модернизировать инфраструктуру, побыстрее вычерпать все природные ресурсы, пока еще есть на них спрос, а потом развивать «кластеры» по переработке, государственно-частное партнерство приветствовать и практиковать, человеческий капитал увеличивать, структурную перестройку

форсировать... Если бы лозунги могли принести ренту (финансово-экономическую, а не только политическую и карьерную), то вышеприведенный перечень занял бы одно из почетных мест в рейтинге наиболее рентабельных изобретений.

Плохая новость заключается в том, что эти рецепты сродни тем, которыми либералы-глобалисты убаюкивали общество в 1990-е: вот подстроим свою экономику под Европу по американским лекалам, то есть избавимся от собственной экономики и будем наслаждаться благами цивилизации, без забот ожидая, когда нас за послушное выполнение роли экономического сателлита облагодетельствуют «новой экономикой» в надежде, что она, может стать, и постиндустриальной окажется. Правда, оказалась она не «пост-», а «без-» индустриальной.

А теперь уже не либералы-глобалисты, а вполне себе респектабельные государственники-националисты объясняют, что экономика-сателлит – это очень даже хорошо, потому что Китай не Запад, а Восток, что, конечно же, совсем другое дело.

Дело-то то же самое. Но это, разумеется, не означает, что следует вместо компромиссов искать конфронтации и упорствовать в заведомо проигрышной конкуренции. Мыслить и действовать нужно рационально: в глобальном проекте искать и твердо отстаивать свои национальные интересы, создавая максимум экономической свободы на национальном и региональном уровнях для быстрого наращивания экономического потенциала и доходов. Не «низко висящие фрукты», не волшебные рецепты и не изумляющие Россию и мир рапортующие мегапроекты нужно искать всевозможным институтам развития, но способы мотивации и механизмы гарантий массированного инвестирования в создание реальных продуктов и услуг.